

Лермонтов М. М.

7/IX 86

ПЕРЕД ДУЭЛЬЮ

Ученый Андрей Борисович Ивановский поясняет свидетельства «кузины Лермонтова» о последних днях жизни великого русского поэта

С небольшой, размером в ладонь, акварели смотрит на потомков из 1848 года молодая красивая женщина. Легкий наклон головы, загадочная полуулыбка, тяжелая коса, венчающая высокую прическу... Так вот какой она была — Катенька Быховец, «кузина» Лермонтова, названная им «прекрасной смуглянкой».

— Этот портрет написан, когда мой прапрабабушке еще не было тридцати,— продолжает свой уже долгий рассказ Андрей Борисович Ивановский, палеонтолог, доктор геолого-минералогических наук, с которым меня свела щедрая на неожиданности репортерская судьба.— Михаила Юрьевича уже не было семь лет... Катенька вышла замуж за моего прапрадеда Константина Осиповича Ивановского. А ее письмо, известному сегодня всем лермонтоведам и почитателям поэта, послужившему поводом для одной литературоведческой легенды, суждено было оставаться неизвестным еще четыре десятилетия...

А началось все в 1891 году. Некто Аверблом нежданно-негаданно делает открытие — находит в книге, купленной в Самаре у букиниста, письмо сенсационного содержания. Еще бы, ведь речь идет о Лермонтове! Больше того, о последних днях его жизни, о дуэли, похоронах. В следующем году письмо появляется в журнале «Русская старина» и вызывает живой интерес современников... Вчитаемся еще раз и мы в строки из него, донесшие из глубины десятилетий живой, непосредственный голос двадцатилетней девушки:

«Пятигорск, 1841 г., августа 5-го, понедельник

...Как же я весело провела время. Этот день молодые люди делали нам пикник в гроте, который был весь убранным шашками; колонны обвиты цветами, и люстры все из цветов: танцевали мы на площадке около грота... Даже Лермонтов, который не любил танцевать, и тот был так весел; отсюда мы шли пешком. Все молодые люди нас провожали с фонарями; один из них начал немного шалить. Лермонтов, как кузен, предложил сейчас мне руку; мы пошли скорей, и он до дому меня проводил.

Мы с ним так дружны были — он мне правнучатый брат — и всегда называл кузиной, а я его кузеном и любила, как родного брата. Так меня здесь и звали под именем очаровательная кузина Лермонтова. Кто из молодежи приезжал сюда, то сейчас просили, чтобы он их познакомил со мной.

Этот пикник последний был; ровно через неделю мой добрый друг убит, а давно ли он мне этого изверга, его убийцу, рекомендовал как товарища, друга!

Этот Мартынов глуп ужасно, все над ним смеялись; он ужасно самолюбив; карикатуры его беспрестанно прибавлялись; Лермонтов имел дурную привычку остричь Мартынов всегда ходил в череске и с кинжалом; он его называл при дамах «жысе ле пуаньяр» и «сважем» (г-н кинжал; дикарь). Он тут ему

сказал, что при дамах этого не стоит говорить, тем и кончилось. Лермонтов совсем не хотел его обидеть, а так по-смеяться хотел, бывши так хорош с ним.

Это было в одном частном доме. Выходя оттуда, Мартынка глупый вызвал Лермонтова. Но никто не знал. На другой день Лермонтов был у нас ничего, весел; он мне всегда говорил, что ему жизнь ужасно надоела, судьба его так гнала, государь его не любил, великий князь ненавидел, не могли его видеть — тут еще любовь — он был страстно влюблен в В. А. Бахметеву; она ему была кузина; я думаю, он и меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был.

Через четыре дня он поехал на железные; был этот день несколько раз у нас и все меня упрасивал приехать на железные; это 14 верст отсюда. Я ему обещала, и 15-го мы отправились в шесть часов утра, я с Обыденной в коляске, а Дмитриевский и Бенкендорф и Пушкин — брат сочинителя — верхами.

На половине дороги в колонке мы пили кофе и завтракали. Как приехали на железные, Лермонтов сейчас прибежал; мы пошли в рощу и все там гуляли. Я все с ним ходила под руку... Он при всех был весел, шутил, а когда мы были вдвоем, он ужасно грустил, говорил мне так, что сейчас можно догадаться, но мне в голову не приходила дуэль. Я знала причину его грусти и думала, что все та же, уговаривала его, утешала как могла, и с полными глазами слез <он меня> благодарил, что я приехала...

В колонке обедали. Уезжая, он целует несколько раз мою руку и говорит:

— Кузина, душенька, счастливей этого часа не будет больше в моей жизни.

Я еще над ним смеялась; так мы и отпразднись. Это было в пять часов, а в 8 пришли сказать, что он убит. Никто не знал, что у них дуэль, кроме двух молодых мальчиков, которых они заставили поклясться, что никому не скажут; они так и сделали.

Лермонтову так жизнь надоела, что ему надо было первому стрелить, он не хотел, и тот изверг имел духа долго целиться и пуля навзлет! Ты не поверишь, как его смерть меня огорчила. Я была на похоронах: с музыкой его хоронили не позволили, и священника насильно уговорили его отпеть.

Он мертвый был так хорош, как живой. Портрет его сняли.

— Эти строки трудно читать без волнения,— соглашается со мной Андрей Борисович.— Несмотря на многие неточности. И главная из них в том, что моя прапрабабушка никак не могла быть кузиной Лермонтова...

— Но ведь она сама об этом пишет. Кроме того, этот факт уже стал хрестоматийным: в вышедшей недавно «Лермонтовской энциклопедии» черным по белому написано: «Быховец Екатерина Григорьевна (в замужестве Ивановская) (1820—1880), дальняя родственница Лермонтова».

— Вот поэтому я и начал свой рассказ с легенды, созданной литературоведами. Но лучше — по порядку. Катя была старшей дочерью отставного офицера артиллерии Григория Андреевича Быховца и его жены Наталии Федоровны (урожденной Вороновой). В нашей семье известно, что жили они довольно скудно, детей же было много. Неудивительно, что отец стремился пристроить своих чуть ли не десятых чад по обеспеченным родственникам. Так Катя попала на положение Лизы из «Шиковой дамы» в московский дом Крюковой (по мужу Быховец) — не родственницы, а лишь свойственницы бабушки Лермонтова Е. А. Арсеньевой. Михаил Юрьевич бывал в нем, видел Катю и, видимо, вспомнил ее, когда в мае 1841 года оказался в Пятигорске по пути в Тенгинский пехотный полк. Катя жила здесь со своей подагрической тетюшкой — Обыденной. А теперь представим себе восторг молодой, хорошенькой девушки, когда офицер (хоть и бывший, но все же гвардейский) не только узнал ее, но и познакомил со своими друзьями, — представителями совсем иного круга, чем тот, к которому она принадлежала; по к этому мы вернемся попозже.

Встреча была мимолетной и, судя по тому, что никто из детей «кузины» от нее самой ничего о «родстве» с Лермонтовым не слышал, вскоре забылась. Письмо из Пятигорска, как вы помните, адресовано сестре, но какой? Я-то знаю, что речь идет о двоюродной сестре Кати по линии матери, у которой к этому времени были уже дети, упоминаемые в письме, но почему никто до сих пор не обратил внимания на странность — девушка взялась объяснять сестре, что она, Быховец,—правнучатая сестра Лермонтова? Ведь если бы это было так, то поэт и адресу бы приходил-

ся точно таким же правнучатым братом? На самом же деле этого не было.

И все было бы ничего, продолжает мой собеседник, но с середины 50-х годов пятигорское письмо оказывается вдруг в поле зрения нескольких филологов. Принимая на веру утверждения самой Кати как аксиому, они начинают творить легенду. В частности, В. Баранов в 1957 году публикует в ученых записках Калужского университета (вып. 4, 1957) статью — «Об истинном адресате стихотворения Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю». Из нее мы узнаем, что, оказывается, этот шедевр, который положили на музыку десятки композиторов, скорее всего был посвящен... Екатерине Быховец. Это уже начинало походить на сенсацию.

В 1964 году в «Литературной России» появляется заметка Л. Прокопенко «Кто она», где эта версия подается уже как доказанная, при этом перечеркивается тот факт, что С. М. Соллогуб сама, повторяю — сама, рассказывала одному из первых лермонтоведов П. А. Висковатову историю появления этого стихотворения. Лермонтов часто бывал в их доме, при этом засматривался на нее. Софья Михайловна попросила его не вести себя так, поскольку это не нравилось ее мужу. В ответ Михаил Юрьевич и подарил ей при следующем посещении дома это стихотворение.

— Какие же аргументы приво-дились против версии С. М. Соллогуб-Вильгорской?

— Во-первых, что она «сама» рассказала об этом. Но не нужно забывать, что решила она на это через сорок лет после события, естественно, что в первые годы она имела основания обижаться на поэта, заявившего ей: «Нет, не тебя так пылко я люблю...» Во-вторых, ее муж В. А. Соллогуб якобы «написал пасквиль на Лермонтова», выведя его в об-

разе Леонина в повести «Большой свет». Однако известно, что Михаил Юрьевич не только не обиделся на автора, но сохранил к нему чувство дружбы и собирался вместе с ним издавать журнал. Кстати, Белинский считал это произведение прекрасной беллетристической повестью и писал далее: «...Лермонтов думает так же». В-третьих, автограф этого стихотворения находится в тетради Одоевского, которую тот подарил поэту накануне его отъезда на Кавказ. А почему Лермонтов не мог записать в ней стихотворение, сочиненное раньше? Например, «Спор» он передал Самарину в апреле, но тем не менее записал его еще два раза в той же тетради никак не раньше мая 1841 года.

— Как же развивались события дальше?

— В 1974 году мне совершенно случайно попала в глаза газета «Вечерний Тбилиси» со статьей Л. Прокопенко «Путь к семейному архиву». В ней я со все более возрастающим удивлением прочел про Екатерину Быховец, что «это была симпатичная, смуглая брюнетка, лечившаяся на водах от несколько излеченной полноты». Что среди рисунков Лермонтова есть один, называемый по-разному: «Прогулка верхом», «Всадник и амазонка»... На этом рисунке, как считают некоторые искусствоведы, поэт изобразил себя и Катеньку Быховец. Офицер и полная женщина едут верхом по направлению от зрителя...

«Снежный ком» ни на чем не основанных домыслов о Е. Быховец, даже о ее внешности (хотя портрет был известен только потомкам) продолжает нарастать. К слову сказать, юная Екатерина не была полной, и она не лечилась, а, повторюсь, сопровождала большую тетюшку на воды, за что кормилась сама и кормила младших сестру и брата. Но и это были не последние сюрпризы. В 1981 году выходит «Лермонтовская энциклопедия», и в статье, посвященной стихотворению «Нет, не тебя так пылко я люблю», читаю: «В. Баранов, впервые убедительно показавший, что настоящее стихотворение обращено не к С. М. Соллогуб (как предполагал П. Висковатов), а к юной проводившей лето 1841 года в Пятигорске «кузине» — Е. Быховец, дополнительные аргументы в пользу своей гипотезы — без основания черпает из психологической окраски стихов. Обезоруживающая искренность, апелляция к женскому пониманию и сочувствию, открывшая увлеченность, удержанная, однако, на грани решительного признания,— эти зыбкие отношения, с маяющей перспективой новой любви, могли сложиться у Л. и молодой особы именно под безопасным покровом дальнего родства. Не исключено, что гибель застала Л. на пороге значительного чувства, давно им не изведенного».

Так на заранее подготовленной почве происходит трансформация. Факт, приведенный П. Висковатовым, превращается уже в предположение, а искусственная натяжка В. Баранова в убедительное доказательство: и это при том, что в процитированных строках нет даже элементарной логики. Если в рассказе С. М. Соллогуб все как будто на своих местах, то тут, с одной стороны, поэт уверяет: «Нет, не тебя так пылко я люблю», а с другой — якобы демонстрирует «откровенную увлеченность... с маяющей перспективой новой любви»... Да еще «под безопасным покровом дальнего родства».

— Так что же, по-вашему, на самом деле произошло летом 1841 года?

— беру на себя смелость утверждать, что Екатерина Григорьевна никогда не принадлежала к кругу Лермонтова, не была с ним в дружеских отношениях, что стихотворение, которое Белинский относил к «жемчужинам поэзии», посвящено не ей, а С. М. Соллогуб. Я уже упомянул о восторге девушки в связи с тем, что она встретила с Лермонтовым. Счастливый случай сделал ее примерно на два месяца участницей развлечения кружка молодежи, в который входили представители многих аристократических фамилий России и куда ее мог ввести только Лермонтов. Этому способствовала сама обстановка курортного Пятигорска, где атмосфера была более простой, чем, скажем, в Петербурге. И, разумеется, то, что поэт немного знал Быховец по Москве. Что касается обращения «кузина» или «кузен», то оно было в то время распространено настолько, что часто было лишено строго генетического смысла.

Хочу обратить также внимание на слова из письма: «...он был страстно влюблен в В. А. Бахметеву... и об ней его любимым разговор был». Речь идет, как мы теперь хорошо знаем, о Варваре Лопухиной. Но дело в том, что об этом раннем увлечении Лермонтова знали очень немногие — родственники и близкие друзья детства поэта, жившие в Москве в тридцатых годах прошлого века. Катя Быховец могла узнать об этом только через ее близких родственников.

В письме Екатерина Быховец признает, что любимым разговор у него (поэта) был о Лопухиной. Ниже она пишет: «Я знала причину его грусти и думала, что все та же, уговаривала его, утешала, как могла»... О какой причине идет речь? Мне кажется, что и в этом случае о его любви к Варваре Александровне.

— И последний вопрос: что же стало с автографом письма Е. Быховец?

— Все мои родственники и я знакомы с ним только по «Русской старине». Автограф никто из пятерых детей Екатерины Григорьевны не видел. Однако близкий знакомый моего отца — известный пушкинист Л. Б. Модзалевский утверждал, что он видел письмо в Пушкинском доме, где работал много лет. А портрет Е. Г. Быховец и ее шкатулка с инкрустированными инициалами хранятся в нашей семье.

В. ОВЧАРОВ.
(Корр. ТАСС — для «Советской России»).